

ГИЙОМ МЮССО

ГИЙОМ МЮССО

ДЕВУШКА
ИЗ БРУКЛИНА

Москва
2022

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
М98

Guillaume Musso

LA FILLE DE BROOKLYN

Copyright © XO Editions, 2015. All rights reserved

Перевод с французского
Г. Шариковой, Е. Кожевниковой

Серия «Белая птица»

Художественное оформление Луизы Бакировой

Иллюстрация в марке серии:

© lelevien / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Мюссо, Гийом.

М98 Девушка из Бруклина / Гийом Мюссо ; [перевод с французского Е. Кожевниковой, Г. Шариковой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-112907-1

Рафаэль был уверен, что Анна — та женщина, с которой он готов прожить всю жизнь, деля с ней горе и радость.

Но один вечер за несколько недель до свадьбы все перевернул — Рафаэль не хотел, чтобы между ними были тайны, и Анне пришлось показать ему одно фото. Увиденное буквально оглушило Рафаэля. Поняв это, Анна исчезла.

Теперь ему нужно во что бы то ни стало ее отыскать. Но для этого придется распутать целый клубок страшных событий и узнать, кто же Анна на самом деле и что с ней произошло много лет назад.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Г. Шарикова, Е. Кожевникова, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-112907-1

*Посвящается
Ингрид и Натану*

Куда она исчезла?..

*Антиб
Среда, 31 августа 2016 года*

Длинный уикенд на Лазурном Берегу за несколько недель до свадьбы. Мы проживали их как блаженное вступление, радующую близость, согретую августовским солнцем.

Вечер начался чудесной прогулкой по форту старого города: стаканчик мерло на террасе кафе, спагетти с моллюсками под старинными каменными сводами времен Микеланджело. Мы говорили о твоей работе, о моей и о нашей свадьбе. Отпраздновать ее мы собирались в самом узком кругу: двое друзей-свидетелей и мой сынишка Тео, чтобы хлопнуть нам в ладоши.

На обратной дороге я сидел за рулем взятой на прокат машины, ехал медленно, чтобы ты успела налюбоваться видом побережья. Мне запомнились эти мгновения: свет зеленых глаз, развевающиеся волосы, короткая юбка, кожаный жилет, распахнутый на ярко-желтой майке с надписью «Power to the People¹». На поворотах, переключая скорость, я смотрел на твои золотистые ноги, мы улыбались друг другу, ты напевала старый хит Ареты Франклин.

¹ «Власть народу» (англ.).

Было так тепло, так славно... Мне запомнились эти мгновения: искорки в глазах, улыбка, волосы, летящие по ветру, тонкие пальцы, отбивающие ритм на панели...

Мы сняли домик в «Ловцах жемчуга», красивом местечке с десятком вилл, смотрящих на Средиземное море. И когда поднимались по аллее, вдыхая смолистый запах сосен, у тебя широко раскрывались глаза — так красиво все было вокруг.

Мне запомнились эти мгновения: мы в последний раз тогда были счастливы.

* * *

Стрекотанье цикад. Убаюкивающий шум прибора. Легкий ветерок, что смягчает влажное тепло вечера.

На террасе, прижавшейся к скалистому склону, ты зажгла душистые свечи и спираль против комаров, я поставил диск Чарли Хейдена. Как в романе Фицджеральда, я встал за стойку бара и стал готовить для нас коктейль. Твой любимый: «Лонг-Айленд айс ти», много-много льда и ломтик лайма.

Я редко видел тебя такой радостной.

Мы могли бы провести прекрасный вечер. Мы должны были провести прекрасный вечер. Но мне не давала покоя одна мысль. До поры до времени я держал ее под контролем. Но она не отпускала меня. Назойливо твердила одно и то же: «Знаешь, Анна, у нас не должно быть друг от друга секретов».

Почему желание знать *правду* одолело меня именно в этот вечер? Из-за близости свадьбы? Из-за того, что мы слишком быстро решились на этот шаг? Из-за боязни переступить порог?

Думаю, все вместе сыграло свою роль — и еще моя личная история, когда меня предали люди, которых, как мне казалось, я хорошо знал.

Я протянул тебе стакан и сел напротив.

— Я говорю серьезно, Анна, я не хочу жить во лжи.

— Надо же! И я тоже. Но жить без лжи не значит не иметь секретов.

— Значит, ты признаешь: у тебя есть секреты.

— У кого их нет, Рафаэль? Секреты — это прекрасно. Они — пограничные столбы, частичка нашей личности, кусочек прожитой жизни; они придают таинственности.

— Но у меня от тебя нет секретов.

— И что из этого?

Ты расстроилась, рассердилась. И я тоже. Куда подевалась наша радость, веселье? А нам было так хорошо в начале вечера...

Разговор мог бы на этом кончиться, но я продолжил, выложив новые аргументы. Я не мог остановиться, я должен был получить ответ на мучивший меня вопрос:

— Почему ты уходишь от ответа, как только я спрашиваю тебя о прошлом?

— Потому что прошлое прошло. Это аксиома. И его не изменишь.

Ответ мне не понравился.

— Прошлое определяет настоящее, и ты это прекрасно знаешь. Что ты от меня скрываешь, черт возьми?!

— Ничего, что могло бы грозить нам с тобой. Поверь мне. Поверь *нам* с тобой!

— Перестань отделяться общими фразами!

Я стукнул кулаком по столу, и ты вздрогнула. Сколько разных чувств волной пробежало по твоему красивому лицу — и скорбь, и страх тоже...

Я злился, потому что мне очень хотелось успокоиться. Мы были знакомы всего полгода, и с нашей первой встречи я полюбил в тебе все. И больше все-

го — таинственность, сдержанность, молчаливость и твой независимый нрав... Но бумеранг вернулся. Теперь твоя таинственность и сдержанность угнетали и мучили меня.

— Почему тебе так хочется все испортить? — спросила ты с непередаваемой усталостью в голосе.

— Ты знаешь, что я пережил. Я уже ошибался. И теперь ошибиться не имею права.

Я чувствовал, что причиняю тебе боль, но верил: я так тебя люблю, что могу выслушать все — и все понять. Я хотел утешить тебя, разделить с тобой тяжкую ношу прошлого, если ты мне ее доверишь.

Мне бы замолчать, прекратить разговор, но я не остановился. Я не пощадил тебя. Я почувствовал, что ты вот-вот что-то мне скажешь. И я посылая стрелу за стрелой, я изматывал тебя, чтобы ты перестала защищаться.

— Я хочу только правды, Анна!

— Правда! Правда! Ты только и знаешь, что твердишь слово «правда»; а ты уверен, что сможешь ее выдержать?!

Теперь напала ты, и я невольно засомневался. Я не узнавал тебя. У тебя потекла тушь, а в глазах полыхал огонь, какого я никогда не видел.

— Ты хочешь знать, есть ли у меня секреты, Рафаэль? Отвечаю — есть! Ты хочешь знать, почему я не хочу их открыть? Потому что, узнав, ты не просто разлюбишь меня, ты меня возненавидишь!

— Неправда, я все пойму.

В этот миг я в себе не сомневался. Я был уверен, что приму все, что бы ты мне ни сказала.

— Нет, Рафаэль, это все слова. Слова из твоих романов, а жизнь — она совсем другое.

Что-то сдвинулось с места. В плотине приоткрылся шлюз. И ты — я ощутил это совершенно ясно, — ты захотела узнать, что я собой представляю. Ты тоже

решила узнать, что я такое. И будешь ли ты любить меня дальше. После. Всегда. И вправду ли я люблю тебя. Или граната, которую ты приготовила, разорвет нашу связь.

Ты порылась в сумке и достала планшет. Набрала пароль, открыла галерею и не спеша стала листать фотографии, отыскивая нужную тебе. А потом, глядя мне в лицо, тихо произнесла несколько слов и протянула планшет. Я увидел секрет, которого так от тебя добивался.

— И сделала это я, — повторила ты.

Я в ужасе зажмурился, не желая видеть экрана; тошнота подступила к горлу, и я отвернулся. Ледяные мурашки побежали по телу, руки дрожали, кровь билась в виски. Я был готов ко всему. Мне казалось, я пережил все, что можно. Но о *таком* я не думал никогда.

Я встал и почувствовал, что ноги у меня ватные. Голова закружилась, когда я шагнул, но я собрался и вышел из гостиной твердым шагом.

Моя сумка с вещами еще лежала в прихожей. Не глядя на тебя, я взял ее и покинул дом.

* * *

Отупение. Гусиная кожа. Жестяной вкус во рту. На лбу ледяные капли.

Я захлопнул дверцу машины и двинулся в ночь. Автоматически. Гнев и горечь перехватили горло. В голове сумбур. Жуть, увиденная на фотографии. Я ничего не понимаю. Знаю только одно: моей жизни конец.

Проехал несколько километров и заметил на вершине утеса строгий силуэт форта Карре. Мощная крепость. Последний дозорный перед выходом в море.

Нет. Я не мог так уехать. Я уже раскаивался, что просто взял и ушел. Я был в шоке. Я потерял самообладание, но я не мог уйти, не выслушав твоих объяснений. Я нажал на тормоз и развернулся прямо поперек шоссе, едва не сбив мотоциклиста, мчавшегося по встречной полосе.

Я должен был поддержать тебя, помочь избавиться от кошмара. Я должен был быть таким, каким себе представлялся: понимающим твою боль, способным разделить ее и помочь преодолеть. С предельной скоростью я мчался обратно: бульвар дю Кап, пляж Онд, порт Оливетт, башня Грайон, а затем узкий проселок, ведущий к частным домам.

— Анна! — позвал я, войдя в прихожую.

В гостиной никого. На полу осколки стекла. Этажерка с безделушками упала на журнальный столик и разбила стекло вдребезги. А поверх этажерки лежит связка ключей, которые я дал Анне несколько недель назад.

— Анна!

Большое окно за шторами стояло распахнутым. Я раздвинул бьющиеся на ветру шторы и вышел на террасу. И снова звал тебя, крича в пустоту. Набрал твой номер в мобильнике, но ответа не получил.

Обхватив голову руками, я стоял на коленях. Где же ты? Что произошло за те полчаса, пока меня не было? Какой сундук Пандоры я открыл, коснувшись твоего прошлого?

Я закрыл глаза, и побежали картинки нашей с тобой жизни. Полгода счастья, которое теперь ушло навсегда. Будущее, жена, наш ребенок — больше ничего нет, впереди пустота.

Как же я раскаивался...

Зачем говорить, что любишь, если не можешь защитить?..

День первый

ИСКУССТВО ПРЯТАТЬСЯ

1. Бумажный человек

Если у меня в руках нет книги, если я не думаю о той, какую напишу, я готов завывать от тоски. Жизнь можно терпеть, только если от нее спрячешься.

Гюстав Флобер

1

Четверг, 1 сентября 2016 года

— **М**оя жена каждую ночь спит с вами; хорошо, что я не ревнив.

Шофер, страшно довольный шуткой, подмигнул мне в зеркальце. Затем притормозил и включил поворотник, собираясь свернуть на шоссе, ведущее из аэропорта Орли.

— Она у меня азартная. Я, впрочем, тоже прочитал несколько ваших книжек, — снова заговорил он, поглаживая усы. — Спору нет, захватывает, но для меня тяжеловато. Убийства, насилия... Скажу со всем моим к вам уважением, что у вас нездоровый взгляд на вещи. Будь вокруг нас столько ужасов, как у вас в романах, нам бы несдобровать.

Я не отрываясь смотрел на экран телефона и делал вид, что ничего не слышу. Только дискуссий о литературе и совершенстве мира мне не хватало в это утро.

Восемь десять. Первым самолетом я срочно вернулся в Париж. Звонил Анне — и попадал на автоответчик. Оставил ей десяток сообщений, извиняясь, прося прощения, умоляя перезвонить, потому что я в тревоге.

Я не знал, что делать. Мы еще никогда не ссорились.

Этой ночью я не сомкнул глаз. Какой сон? Я искал Анну. Начал с поста охраны территории. Охранник сказал мне, что за время моего отсутствия приезжало много машин, в том числе и автомобиль из VTC¹.

— Шофер сказал, что его вызвала мадам Анна Бекер, постоялица виллы «Волны». Я связался с мадам по интерфону, и она подтвердила вызов.

— Почему вы уверены, что это был автомобиль из VTC? — спросил я.

— На ветровом стекле у него, как и положено, был логотип компании.

— А вы не могли бы сказать мне, куда он ее повез?

— Откуда же мне знать?

Шофер отвез Анну в аэропорт. Во всяком случае, так я понял, когда несколько часов спустя зашел на сайт «Эр Франс». Поинтересовался, что там с нашими билетами — билеты покупал я, — и узнал, что пассажирка Анна Бекер поменяла свой обратный билет на последний в этот день авиарейс Ницца — Париж. Самолет должен был улететь в 21.20, а отбыл только в 23.45. Причин было две: опоздания, каких всегда в конце каникул бывает множество, и поломка компьютера, из-за которой все самолеты компании задержались на час.

Ситуация немного прояснилась. Анна в гнев сама расколотила столик и поспешила улететь в Париж. По крайней мере, она была цела и невредима.

¹ VTC — компания «Туристический автомобиль с шофером».

Такси свернуло с широкой автострады с туннелями и указателями, и мы въехали в город. У Порт-д'Орлеан и без того плотный поток машин практически встал. Мы едва ползли в черных маслянистых выхлопных газах от грузовиков и автобусов, упираясь бампером в чужой бампер. Я поднял стекло: окись азота — опасный канцероген. Вокруг гудели машины и ругались водители. ПАРИЖ...

Я решил начать с квартиры Анны и попросил шофера отвезти меня сначала в Монруж. Последний месяц мы с Анной жили вместе, но она сохранила за собой квартиру — две комнаты в современном доме на улице Аристид-Бриан. Анна любила свой дом, там еще оставались ее вещи. Я надеялся, что, рассердившись и обидевшись, она отправилась к себе.

Мы сделали длинный крюк, добрались до разворота Ваш-Нуар и поехали дальше.

— Прибыли, господин писатель, — объявил шофер, остановившись перед новым, но совсем некрасивым домом.

У шофера, плотного, приземистого, с лысым черепом дядечки с настороженным взглядом и тонкими губами, голос был как у Рауля Вольфони из «Дядюшек-гангстеров»¹.

— Не могли бы вы подождать меня?

— Счетчик крутится. Без проблем.

Я вышел из машины и, заметив выходящего из подъезда мальчика с ранцем, поспешил туда, чтобы войти, пока не закрылась дверь. Лифт, как обычно, не работал. Я поднялся на двенадцатый этаж на одном дыхании, но прежде чем постучать, постоял, наклонившись и положив руки на колени, чтобы от-

¹ «Дядюшки-гангстеры» — криминальная кинокомедия Ж. Лотнера (1963).

дышаться. А когда постучал, мне никто не ответил. Я прислушался — тишина.

Анна оставила ключи от моей квартиры. И если не ночевала дома, то где?

Я стал звонить подряд во все квартиры на площадке. Открыл один сосед, но ничем мне не помог. Ничего не видел, ничего не слышал — обычное правило многоэтажек.

В полном расстройстве я спустился вниз и дал Раулю Вольфони свой адрес на Монпарнасе.

— А когда вышел ваш последний роман, господин Бартелеми?

— Три года назад, — ответил я со вздохом.

— А следующий наготове?

Я кивнул и уточнил:

— Но выйдет еще не скоро.

— Жена огорчится.

Мне не хотелось говорить, и я попросил сделать погромче радио: неплохо бы послушать новости.

Радиостанция из самых популярных. Девять часов утра, новости часа. Сегодня первое сентября, четверг. Двенадцать миллионов школьников приступили к занятиям, Франсуа Оланд доволен растущими успехами в экономике, в футбольной команде «Пари-Сен-Жермен» новый нападающий. В Соединенных Штатах республиканская партия выбирает кандидата для будущих президентских выборов...

— А вот вы мне скажите, — продолжал бубнить неугомонный таксист, — вы сами захотели побездельничать или наступил синдром белой страницы?

— Все гораздо сложнее, — ответил я, глядя в окно.

2

Если говорить правду, то я не написал ни строчки за три года потому, что жизнь меня достала.

Нет у меня никаких блокировок, и фантазия то-

же работает. С шести лет я выдумываю всевозможные истории, с подросткового возраста только и знаю, что пишу, лишь бы дать выход фонтанирующему воображению. Мои фантазии — мое спасение, дармовой билет на самолет, уносящий от скучной действительности. Годы шли, а я занимался только своими историями. В блокноте или в ноутбуке я писал себе и писал, писал всюду и везде: на скамейке в парке, за столиком в кафе, стоя в метро. Если не писал, то думал о своих персонажах, чем они мучаются, кого любят. Ничто другое меня не интересовало. Серая реальность не имела для меня значения. Вдалеке от будней я странствовал по воображаемому миру, единственный его творец и demiurge.

С 2003 года, когда был впервые опубликован мой роман, я писал по книге в год. В основном детективные истории и триллеры. В интервью всегда утверждал, что сижу за столом каждый день, за исключением Рождества и своего дня рождения. Ответ я позаимствовал у Стивена Кинга. И точно так же, как он, привирал. Я работал и 25 декабря *тоже* и не видел никаких оснований бездельничать в высокотождественный день собственного рождения.

Что греха таить? Мне редко удавалось найти что-то более интересное, чем мои герои.

Я обожал свою «работу», жил, как рыба в воде, в атмосфере загадок, убийств и насилий. Точно так же, как дети — вспомните людоеда из «Кота в сапогах», волка из «Красной Шапочки», преступных родителей из «Мальчика-с-пальчик», злодея по имени Синяя Борода, — взрослые любят поиграть в страшилки. Им нужны страшные сказки, чтобы совладать с собственными страхами.

Пристрастие читателей к детективам позволило мне прожить сказочные десять лет, став одним из немногих авторов, живущих за счет своего пера. И, садясь